

Надежда как условие психологической безопасности личности и общества

В. А. Лабунская

доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии Южного федерального университета

В статье рассматриваются различные подходы к пониманию функций надежды в жизни человека, предлагается анализировать функциональную направленность надежды исходя из ее видов, обосновывается необходимость изучения надежды как многокомпонентного образования в контексте жизненного пути человека, его отношения к жизни. В статье на основе эмпирических данных анализируются представления россиян о надежде, обсуждаются взаимосвязи между различными видами надежды и позитивностью-негативностью оценок различных временных этапов жизненного пути. В ней подчеркивается, что высокая степень выраженности безнадежности в сочетании с негативным отношением к своей жизни снижает психологическую безопасность человека.

Ключевые слова: *онтологические функции надежды, компоненты надежды, эмоциональный вид надежды, когнитивно-мотивационно-поведенческий вид надежды, сферы и объекты надежды, отношение к жизни.*

Традиционно вопросы психологической безопасности рассматриваются в контексте противодействия деструктивным, экстремистским воздействиям на человека. На наш взгляд, проблема психологической безопасности личности и общества может быть поставлена более широко, затрагивая различные контексты обыденной жизни, которые не всегда могут быть отнесены к экстремальным, экстремистским, но при этом оказывать самое существенное влияние на человека, вплоть до его психологического уничтожения и даже уничтожения. К таким ситуациям обыденной жизни можно отнести как ситуации потери надежды, или безнадежности, так и ситуации, переполненные надеждами. Все зависит от того, о каких видах надежды идет речь, в каком

направлении они регулируют поведение человека и определяют его выбор в ситуациях, угрожающих его жизни, его психологическому благополучию. Теоретические выводы, что надежда является универсальным, глобальным, общечеловеческим феноменом, придающим жизни смысл, можно считать достаточными для понимания и признания регулирующей силы надежды [2; 3; 4; 7; 8]. В то же время эти выводы требуют осмысления с позиций социальной психологии, учитывающей жизненный путь личности и общества, превалярующие этно-культурные ценности, степень позитивности-негативности оценок жизненных событий, отношения к жизни, представления современного россиянина о функциях надежды и ее видах.

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть с позиций социальной психологии феномен надежды и продемонстрировать его неоднозначную связь с практической психологией безопасности личности и общества.

Начнем с того, что в истории философии, религии, психологии существуют различные определения надежды и ее функций. Они достаточно подробно представлены в ряде работ [2; 4; 7; 12; 15], как и дискуссии о функциях надежды в жизни человека: «надежда — это зло или добро?». До сегодняшнего дня в философско-психологической литературе сохраняются две магистральные трактовки смысла надежды в жизни человека. Наиболее значимыми, подчеркивающими бытийный, онтологический смысл надежды являются концепции, в которых надежда наделяется жизнеспособствующей силой, выступает фундаментом человеческого существования, наделяется функцией противостояния бытию [2; 3; 9; 17; 21]. В концентрированном виде эта смысловая направленность надежды представлена в названии книги С. Е. Вершинина «Жизнь — это надежда» [4].

Чаще всего в работах поднимается проблема надежды в связи с различного рода историческими потрясениями и обобщающими негативными оценками бытия человека, разочарования, страха. Для современного общества, как отмечает О. Ф. Больнов, является характерным исчезновение «романтического духа», спровоцированное огромным количеством потрясений. В результате «каждое жизненное отношение», «каждый жизненный смысл» оказались иллюзорными. «И мир с ранее неизвестной угрозой

выступил по отношению к человеку как чуждый и опасный.... Человек осознал себя в некоей *безнадежной потерянности*, повсюду обреченный на проникающее в него разрушение....» [3, с. 139]. Такие явления, как страх, отчаянье, скука, отвращение, становятся «носителями решающего метафизического опыта», а надежда в этом бытийном состоянии выполняет функцию преодоления. Развивая данную мысль, О. Ф. Больнов подчеркивает, что именно надежда «выдвинута в качестве условия возможности человеческой жизни как таковой» [там же, с. 141]. В подобных трактовках надежда сопряжена с верой и доверием к бытию и интерпретируется как доверие к будущему, а присутствие надежды в жизни человека и отношение к ней как к ценности рассматривается в качестве «несущей связи» человека с его бытием [там же, с. 143].

Особое место в понимании бытийной роли надежды занимает работа Э. Блоха [2]. Он строит свои рассуждения на основе новой модели человека — «надеющийся» человек. Надежде приписывается антиромантический, т. е. практически-деятельный характер. Иными словами, практически-деятельная надежда противопоставляется вероятностно-пассивной надежде, иррациональная надежда — рациональной, осознаваемая — неосознаваемой. Богатство и разнообразие надежд связывается с богатством человеческого бытия, пережитого опыта. О принципе «надежды» писал в своих работах Э. Фромм [21], указывая, что надежда отражает общую установку — абсолютную ценность будущего, подчеркивая, что надежда — это показатель состояния бытия, «момент жизненной струк-

туры». Он наделял надежду функцией преобразования бытия, его изменения в направлении большей жизненности, осознанности и т. д. [21, с. 305]. Вместе с тем, Э. Фромм считал, что надежда обладает свойством парадоксальности, отмечая, что она «...и не пассивное ожидание, но и не лишенное реализма подстегивание обстоятельств, которые не могут наступить» [21, с. 302], и указывал на существование особого вида надежды — «пассивной надежды», которая является замаскированной формой безнадежности.

Следовательно, отношение к самой надежде и оценка временных этапов жизни человеком могут актуализировать такую функцию надежды, как «несущая связь» человека с его бытием, преобразование бытия, а могут придавать надежде, в зависимости от ее вида, и иные функции. В этой связи не менее важными для понимания надежды, с социально-психологической точки зрения, являются концепции, утверждающие, что надежда — это жизнепрепятствующая сила, самообман, удлиняющий мучения людей, «тормоз» личностного роста, замедляющий или делающий невозможным процесс саморазвития и самосовершенствования [6; 16; 22]. О возможных дисфункциях надежды, особенно иллюзорной, мистической, революционной и мессианской, пишет К. Муздыбаев [14], поэтому необходимо помнить, что существуют различные виды надежды и критерии их выделения. Так, в связи с феноменом «утраты надежды» обсуждаются такие ее типы, как «общая надежда» и «фундаментальная надежда», которая рассматривается как «личностная экзистенция, добродетель, выражение согласия с самим со-

бой, которое конституирует бытие» (цит. по : [3, с. 140]).

Сложившиеся представления о надежде включают различные компоненты надежды, придавая ей тем самым определенный вид: 1) надежда — это эмоциональное состояние, страсть; 2) надежда — это рационально-гносеологическое отношение к ценностям, стремление к познанию бытия. В этих определениях усилен когнитивный компонент надежды, приближающий ее к такому виду, как «рациональная надежда»; 3) надежда — это планирование человеческой деятельности и преодоление барьеров и препятствий, возникающих на пути достижения цели (усилен мотивационно-поведенческий компонент надежды) [4; 5; 7; 15; 23]. Онтологический подход к надежде интегрирует все ее компоненты, заставляет рассматривать ее «как системное духовное качество, репрезентирующее одновременно и чувственную, и рациональную, и деятельностьную стороны мироотношения человека» [1, с. 23].

Кроме этих двух обозначенных выше подходов к рассмотрению надежды и ее функций в жизни человека выделяются также те, в которых надежда и отчаяние рассматриваются как два взаимосвязанных и равноценных пути к подлинному существованию человека, к преобразованию его жизни [3; 6; 9; 19].

Таким образом, анализируя надежду в контексте психологии безопасности личности и общества, можно наметить несколько векторов интерпретации ее функций в жизни человека. Если не касаться религиозных трактовок смысла надежды, но учитывать их морально-нравственный потенциал, приписываемую надежде функцию «инобытия» [8, с. 29], то одним из важнейших на-

правлений становится рассмотрение надежды как общечеловеческой ценности, способствующей преодолению трудностей; иным является определение вида надежды и наделения его жизнеутверждающими или жизнепрепятствующими функциями.

Проблема социальной психологии надежды, которая одновременно является проблемой психологии безопасности личности и общества, заключается в том, что в ней постоянно подчеркивается значимость надежды в жизни людей, ее онтологический статус, но не исследуется вопрос, как на обыденном уровне относятся россияне (другие народы) к надежде, какова ее ценность, значимость в современном взаимодействии человека с миром. Констатация в философско-психологических работах диаметрально противоположных функций надежды в жизни человека ставит задачу изучения представлений о надежде и ее функциях у современного человека, живущего в ситуации перманентного социально-экономического кризиса, в ситуации угроз и вызовов. Постановка данной проблемы обусловлена также необходимостью эмпирической проверки на основе изучения представлений о надежде и ее функциях у людей, живущих в обществе «стабильной нестабильности», утверждения экзистенциально-ориентированных философов, что в ситуации переживания отчужденности, страха, безнадежности, т. е. в ситуации кризиса, в опасных для жизни ситуациях надежда помогает человеку выжить. Как писал Э. Фромм, в критических ситуациях надежда определяет их восприятие как вызов, а не как угрозу. Исходя из этого восприятия, человек начинает творчес-

ки осмысливать свое бытие и стремится к преодолению сложностей [21].

Кроме вышесказанного, для постановки проблемы представлений о надежде и ее функциях в жизни человека являются важными выводы работ, в которых констатируется, что надежда — это одна из наиболее константных черт национального характера русских [18; 20], что наряду с временной открытостью, активностью, неприятием капитуляции, верой в реальность существенной характеристикой надежды выступает терпение [14].

С целью изучения обыденных представлений о надежде и ее функциях в жизни человека нами было выполнено исследование, в котором приняли участие 400 человек. С помощью методики «Представление о надежде и отношение к ней», разработанной И. С. Мансуровой [13], были получены данные о преобладающих видах надежды, ее функциях в представлениях участников исследования. Для того чтобы уменьшить влияние заданных исследователем вопросов на ответы респондентов, были применены следующие методические приемы: ассоциации, незаконченные предложения, свободные определения. Участникам исследования предлагалось перечислить все ассоциации, которые у них вызывает слово «надежда»; назвать противоположные надежде явления; указать, какую роль играет надежда в жизни человека, для чего она нужна; определить, как человек оценивает свою жизнь, если он надеется, если у него нет надежды; сказать, что в жизни участника исследования больше всего дает ему надежду и что может лишить его надежды; подумать над тем, на что он надеется в разных сферах жизни

(на работе, в институте, дома, в семье, в отношениях с людьми и т. д.); составить список надежд, закончив предложение «Я надеюсь...»; вспомнить и описать ситуации, события, которые вселили надежду, оправдали ожидания, открыли новые перспективы; вспомнить и описать события, которые привели к переживанию сильного разочарования, вселили чувство безнадежности.

Все ответы участников исследования были подвергнуты контент-анализу и разделены на следующие категории: значимость надежды в жизни человека (функции), характеристики надежды (определения), ведущие сферы (объекты) надежды. Качественный и количественный анализ (частотный анализ и процедура квартилирования содержательных единиц, образующих каждую категорию) показал, что все респонденты (независимо от их возраста, социального положения), имеют представления, что такое надежда (определение), какую роль она играет в жизни человека (функции), в каких сферах жизнедеятельности и на что они надеются. Обыденные представления о надежде включают ее определение как состояния, ожидания, отношения к жизни. Большинство участников исследования отождествляют надежду с жизнью, придают ей значение «внутреннего стержня», смысла жизни, считают, что надежда — это то, что нельзя у человека отобрать. По мнению участников исследования, надежда сопряжена с наличием препятствия на пути к цели, с трудной жизненной ситуацией. Но лишь около 30 % из них связывают надежду с собственной преобразовательной активностью, направленной на достижения.

Интересным является факт, что только треть участников исследования надеется надежду амбивалентными функциями: «надежда иногда помогает выжить, а иногда мешает жить, увеличивает боль, когда она не сбывается». Подчеркивая амбивалентность функций надежды, некоторые участники исследования указывали, что нужно не надеяться на что-то или кого-то, а быть ответственным за свою жизнь, опираться на опыт и разум. В обыденных представлениях о надежде практически не отражен ее мотивационно-поведенческий компонент, но фиксируется такая функция надежды, как преодоление трудностей.

В обыденные представления о надежде включены сферы и «объекты» надежды, среди которых одно из первых мест (80 % респондентов) занимает надежда на поддержку других людей в межличностном взаимодействии, на понимание, надежда быть любимым, нужным, уважаемым. Вместе с тем 20 % участников исследования, кроме надежды на позитивные межличностные отношения, указывают на надежды в области профессиональной сферы. Они надеются, что смогут себя реализовать, добиться успеха, продвинуться по карьерной лестнице.

Таким образом, в представлениях участников исследования надежда выполняет позитивные функции и сконцентрирована главным образом в сфере межличностных отношений. Акцент на эмоциональных и когнитивных функциях надежды и редукция мотивационно-регулятивной функции надежды свидетельствуют о сдвиге в сторону такого вида надежды, как «эмоциональная», «пассивная» надежда. Следовательно, в опасных для жизни ситуациях человек будет

надеяться, что близкие люди, друзья помогут ему преодолеть возникшие трудности, защитят его, демонстрируя при этом, чаще всего, «пассивную» надежду, ведущую к разочарованию, к переживанию в связи с ним спектра негативных эмоций, снижающих психологическую безопасность личности. Исследователи [6; 15; 17; 21], рассматривающие различные виды и функции надежды, подчеркивают, что у человека должна быть уверенность в достижении им поставленных целей, он должен уметь оценивать прошлые успехи и прогнозировать будущие, двигаться планомерно к намеченной цели, преодолевать трудности, контролировать и управлять обстоятельствами собственной жизни, быть готовым к действию, к преобразованию реальности. Ядром «активной надежды» является ориентация на будущее, сопряженная с преобразовательной активностью субъекта, направленной на позитивно значимый для личности объект, отсутствующий в настоящее время, но достижение которого имеет определенную долю вероятности.

С целью определения преобладающих видов надежды (пассивной-активной, эмоциональной-рациональной) не в представлениях респондентов, а на основе психодиагностических процедур нами был применен набор методов, созданный И. С. Мансуровой [12] и отражающий наши представления о надежде как сложном социально-психологическом, духовно-ментально-эмоциональном образовании, включающем эмоциональный компонент, когнитивный и мотивационно-поведенческий. В этот набор вошли шкала безнадежности А. Бека (в модификации А. Горбаткова [5]); шкала диспозиционной надежды С. Снайдера

[23]; опросник диагностики надежды на успех и боязни неудачи А. Реана. В качестве показателя надежды как личностного контроля времени мы использовали индекс «личностный контроль времени» из шкалы Ж. Ньюттена (в модификации К. Муздыбаева) [14]. Все эти методики были направлены на то, чтобы диагностировать выраженность компонентов, входящих в структуру надежды [11].

В качестве методик, направленных на изучение отношения к жизни (восприятие и оценка прошлого, настоящего, будущего и жизненной удовлетворенности), мы применили шкалу аттитюдов ко времени Ж. Ньюттена (в модификации К. Муздыбаева) и опросник «Индекс жизненной удовлетворенности», адаптированный Н. В. Паниной.

С целью выявления взаимосвязей между показателями выраженности эмоционального компонента надежды и когнитивного, мотивационно-поведенческого был осуществлен корреляционный анализ эмпирических коррелятов, а затем факторный анализ по методу выделения главных компонентов. В результате варимакс-вращения были извлечены два фактора, в совокупности объясняющих 73 % дисперсии. В первый фактор с большим факторным весом вошли различные показатели выраженности мотивационно-поведенческого компонента надежды («настойчивость в достижении цели», «способность находить пути достижения цели», «стремление к достижению», «личностный контроль времени») и когнитивного компонента («обобщенное ожидание достижения цели»). Во второй фактор вошли показатели выраженности эмоционального компонента надежды («восприятие будущего как «исполненного надежд — безнадеж-

ного», «эмоциональное отношение к будущему», «эмоциональное состояние надежды»), кроме этого, этот фактор вошел с отрицательным факторным значением показатель «эмоциональное состояние безнадежности».

Исходя из структуры каждого фактора и его содержания, первый фактор указывает на существование «когнитивно-мотивационно-поведенческой надежды», второй фактор соответствует «эмоциональному виду надежды». Таким образом, мы обнаружили два вида надежды: 1) «эмоциональный вид надежды»; 2) «рациональный вид надежды», в структуре которого имеют высокий уровень выраженности когнитивный и мотивационно-поведенческий компоненты. Дальнейший анализ соотношения выраженности этих двух видов надежды у каждого участника исследования показал, что существенно преобладает «эмоциональный вид надежды». При этом высокую и среднюю степень выраженности состояния надежды имеют 100 % респондентов, но у 57 % одновременно наблюдается высокий уровень выраженности состояния безнадежности. Эти данные свидетельствуют об амбивалентном характере «эмоционального вида надежды» у значительного числа участников исследования. Сочетание состояния надежды с безнадежностью приводит к столкновению позитивных и негативных представлений о своей жизни в будущем, уверенности-неуверенности в достижении желаемых целей, в непосредственном контроле обстоятельств жизни, в планировании своей жизни на отдаленную перспективу. Амбивалентность переживаний, обусловленная сочетанием выраженности как состояния надежды, так и безнадежности в «эмоциональ-

ном виде надежды», понижает стремление к преодолению трудностей, к преобразованию бытия (главные позитивные функции надежды), снижает психологическую безопасность человека.

«Рациональный вид надежды», представленный у 20 % участников исследования, также не обеспечивает в полной мере выполнения позитивных функций надежды в жизни человека. Обладатели «рационального вида надежды» могут находить различные пути достижения поставленных перед собой целей, двигаться к ним планомерно и осознанно, но в то же время они сомневаются в успехе, чувствуют себя неуверенными и т. д.

Несмотря на то что для «эмоционального вида надежды» является характерным сочетание состояния надежды и безнадежности, обладатели этого вида надежды отличаются от тех, у которых превалирует «рациональный вид надежды», более позитивным отношением к настоящему времени жизни ($t = 3,10$). Будущее видится «представителям эмоционального вида надежды» более насыщенным позитивными событиями ($t = 5,54$), чем прошлое и настоящее. Иными словами, «представители эмоционального вида надежды» демонстрируют оптимистическое восприятие будущей жизни, полагают, что она будет лучше. Но если учесть, что в структуре «эмоционального вида надежды» незначительно выражены когнитивный и мотивационно-поведенческий компоненты (пассивная надежда), такое отношение к будущему может привести к разочарованию, к усилению безнадежности, следовательно, к актуализации негативных эмоций и к снижению уровня психологической безопасности человека.

«Представители рационального вида надежды», в структуре которого преобладает выраженность когнитивного и мотивационно-поведенческого компонентов, относятся к прошлому времени более позитивно, чем к настоящему и будущему ($t = 5,10$). Они тревожатся, что не смогут в полной мере влиять на свое будущее, нести ответственность за события своей жизни.

В процессе анализа данных мы выделили группу участников исследования, которые негативно относятся к различным временным этапам своей жизни. Среди них есть как те, у кого высокий уровень выраженности безнадежности, так и те, у кого достаточно высоко выражена надежда. Условно мы назвали первую подгруппу «негативно относящиеся к жизни — переживающие состояние безнадежности». Представители этой подгруппы не только негативно оценивают свою жизнь, но и воспринимают свое прошлое, настоящее и будущее как трудное и лишённое всякого смысла. Они считают, что не могут контролировать обстоятельства своей жизни, уверены, что все происходящее в их жизни — результат воздействия внешних факторов, а не их собственных усилий. Представителей этой подгруппы отличает твердая убежденность в том, что жизнь принесла им больше разочарований, чем большинству других людей, и могла бы быть счастливее, чем есть. В глазах представителей данной подгруппы будущее выглядит бесперспективным, мрачным, лишённым стабильности, определенности и возможности достижения желаемого.

Вторую подгруппу мы определили как «негативно относящиеся к жизни — надеющиеся». Данную подгруппу уча-

стников исследования отличает низкая степень жизненной удовлетворенности, негативное восприятие своей жизни и высокая выраженность компонентов надежды. Они воспринимают настоящее время как мрачное, небезопасное, скучное, бедное событиями и трудное. Оглядываясь на свою жизнь, представители данной подгруппы сожалеют об упущенных возможностях, нереализованных надеждах и неоправданных ожиданиях. Вместе с тем они надеются на будущее, которое видят более счастливым, наполненным приятными событиями. Представителям этой подгруппы присущи настойчивость в достижении цели, способность находить разные пути достижения поставленных перед собой задач, а также уверенность в том, что продуктивность их деятельности зависит в основном от собственной целеустремленности.

Полученные данные, с одной стороны, свидетельствуют, что состояние надежды-безнадежности сопряжено с тем, как человек воспринимает и оценивает свою собственную жизнь, а с другой — что безнадежность не обязательно является следствием неудовлетворенности жизнью, а надежду не всегда подпитывает позитивная, оптимистическая оценка жизненного пути. Сочетание негативного отношения к жизни и надежды, включающей не только ярко выраженный эмоциональный компонент, но и когнитивный, мотивационно-поведенческий, свидетельствует о том, что надежда может «противостоять» бытию, выполнять функцию преобразования бытия.

Таким образом, в контексте психологии безопасности личности и общества обращение к феномену «надежды» превращается в обращение к «человеку на-

деющемуся», к его опыту надежды и переживаниям, связанным с ним. На основе теоретического анализа и полученных данных можно сделать вывод, что преобладание «эмоционального вида надежды», выявленное как в процессе изучения представлений о надежде и ее функциях в жизни человека, так и с помощью психодиагностических и математических процедур, ведет к снижению психологической безопасности человека, особенно в тех случаях, когда высокая степень выраженности безнадежности соче-

тается с негативным отношением к своей жизни.

Гармонизация всех компонентов надежды, развитие когнитивных и мотивационно-поведенческих компонентов в структуре надежды, актуализация позитивных функций надежды, конкретизация представлений о надежде и ее сферах могут стать одной из задач специальных социальных технологий, способствующих повышению психологической безопасности личности и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрусенко В. А. Объективные основания надежды (мировоззренческий аспект) // Вестн. Оренбургск. гос. ун-та. 1999. № 3.
2. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.
3. Больнов О. Ф. Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма. Введение // Философская мысль. 2001. № 2.
4. Вершинин С. Е. Жизнь — это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург, 2000.
5. Горбатков А. А. Исследование факторной структуры шкалы безнадежности А. Бека // Психологический вестник РГУ. 2003. № 1.
6. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Бунтующий человек. М., 1990.
7. Капитон В. П. Надежда (опыт постановки философской проблемы) // Осмысление духовной целостности. Екатеринбург, 1992.
8. Клеман О. Свидетели надежды в кризисном мире // Православная община. 1994. № 2. (20).
9. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
10. Лабунская В. А. Социально-психологический подход к изучению надежды и представления о ее функциях в жизни человека // Социальные представления и самоопределение молодежи в изменяющемся мире. Саратов, 2009.
11. Лабунская В. А., Мансурова И. С. Оценка жизненных событий и диспозиция надежды-безнадежности // Северо-Кавказский психологический вестник. 2004. № 2.
12. Мансурова И. С. К проблеме надежды/безнадежности в контексте жизненного пути личности // Северо-Кавказский психологический вестник. 2005. № 3.
13. Мансурова И. С. Эмпирический анализ отношения к надежде на различных жизненных этапах // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. «Психология». 2006. № 6.
14. Муздыбаев К. Измерение надежды // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 4.
15. Муздыбаев К. Феноменология надежды // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3.
16. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Т. 1. М., 1990.
17. Сартр Ж. П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.
18. Сикевич З. В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социологические исследования. 1999. № 1.
19. Тиллих П. Бытие, небытие и тревога // Московский психотерапевтический журнал. 1994. № 1.
20. Фонд «общественное мнение». Российское общество: ценности и приоритеты // Политические исследования. 1993. № 6.
21. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий. М., 2005.
22. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1. М., 1992.
23. Snyder C. R. Hope and optimism // Encyclopedia of human behavior. San-Diego, 1994. V. 2.

Hope as the Provision for Psychological Security of the Person and the Society

V. A. LABUNSKAYA

*Doctor in Psychology, professor, head of the Social Psychology chair
of the Yuzhny Federal University*

The article discusses various approaches to understanding the function of hope in human life. Author proposes to analyze the functional orientation of hope based on its types. The rationale for the study of hope as a multidimensional formation in the context of the human life course and person's attitude to life is presented. The paper analyzes the representations of hope among Russians, discusses the relationship between different kinds of hope and valence (positive-negative) of evaluations of different stages of one's life course. It is emphasized that high level of hopelessness combined with negative attitude towards life reduces the psychological security of a person.

Keywords: *ontological functions of hope, components of hope, emotional type of hope, cognitive-motivational-behavioral type of hope, scope and objects of hope, attitude to life.*

REFERENCES

1. *Andrusenko V. A. Ob'ektivnye osnovaniya nadezhdy (mirovozzrencheskii aspekt) // Vestn. Orenburgsk. gos. un-ta. 1999. № 3.*
2. *Bloh E. Princip nadezhdy // Utopiya i utopicheskoe myshlenie. M., 1991.*
3. *Bol'nov O. F. Novaya ukrytost'. Problema preodoleniya ekzistencializma. Vvedenie // Filosofskaya mysl'. 2001. № 2.*
4. *Vershinin S. E. Zhizn' — eto nadezhda. Vvedenie v filosofiyu Ernsta Bloha. Ekaterinburg, 2000.*
5. *Gorbatkov A. A. Issledovanie faktornoj struktury shkaly beznadezhnosti A. Beka // Psihologicheskii vestnik RGU. 2003. № 1.*
6. *Kamyu A. Mif o Sizife. Esse ob absurde // Buntuyushii chelovek. M., 1990.*
7. *Kapiton V. P. Nadezhda (opyt postanovki filosofskoi problemy) // Osmyslenie duhovnoi celostnosti. Ekaterinburg, 1992.*
8. *Kleman O. Svideteli nadezhdy v krizisnom mire // Pravoslavnaya obshina. 1994. № 2. (20).*
9. *K'erkegor S. Strah i trepet. M., 1993.*
10. *Labunskaya V. A. Social'no-psihologicheskii podhod k izucheniyu nadezhdy i predstavleniya o ee funkciyah v zhizni cheloveka // Social'nye predstavleniya i samoopredele-
nie molodezhi v izmenyayushemsya mire. Saratov, 2009.*
11. *Labunskaya V. A., Mansurova I. S. Ocenka zhiznennykh sobytii i dispoziciya nadezhdy-
beznadezhnosti // Severo-Kavkazskii psihologicheskii vestnik. 2004. № 2.*

12. *Mansurova I. S.* К проблеме надежды/безнадежности в контексте жизненного пути личности // Severo-Kavkazskii psihologicheskii vestnik. 2005. № 3.
13. *Mansurova I. S.* Empiricheskii analiz otnosheniya k nadezhde na razlichnykh zhiznennykh etapakh // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. "Psihologiya". 2006. № 6.
14. *Muzdybaev K.* Izmerenie nadezhdy // Psihologicheskii zhurnal. 1999. T. 20. № 4.
15. *Muzdybaev K.* Fenomenologiya nadezhdy // Psihologicheskii zhurnal. 1999. T. 20. № 3.
16. *Nicshе F.* Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. T. 1. M., 1990.
17. *Sartr Zh. P.* Ekzistencializm — eto gumanizm // Sumerki bogov. M., 1989.
18. *Sikevich Z. V.* "Obraz" proshlogo i nastoyashego v simvolicheskom soznanii rossiyan // Sociologicheskie issledovaniya. 1999. № 1.
19. *Tillih P.* Bytie, nebytie i trevoga // Moskovskii psihoterapevticheskii zhurnal. 1994. № 1.
20. Fond "obshestvennoe mnenie". Rossiiskoe obshestvo: cennosti i priorityty // Politicheskie issledovaniya. 1993. № 6.
21. *Fromm E.* Revolyuciya nadezhdy. Izbavlenie ot illyuzii. M., 2005.
22. *Shopenhauer A.* Mir kak volya i predstavlenie. T. 1. M., 1992.
23. *Snyder C. R.* Hope and optimism // Encyclopedia of human behavior. San-Diego, 1994. V. 2.